Друзья, чего нам не хватает в условиях всеобщей карантинизации? Общения. Нормального. Обычного. Бытового. Шуток. Глаз. Улыбок. Прикосновений. Запахов.

Я не могу отменить вирус, и дать всем вам возможность увидеть друг друга на расстоянии меньше, чем полтора метра. Я не смогу разогнать тучи в нашем городе, ну, а с другой стороны – мы так к ним привыкли, что без них мы уже не помним ни себя, ни это небо. Я не могу заставить солнце сиять с раннего утра до самого позднего вечера. Я могу лишь попытаться передать вам немного хорошего настроения, и, если повезет, улыбок.

Так сложилось, что кроме Музыки и Туризма, моя работа и мое хобби – фотография, связаны с морем и парусами. Мы: я (Кирилл Разумов) собрал несколько своих фотографий, взял несколько рассказов своего товарища (Уткина Александра) и «сложил» это все произвольно в электронном виде. Это не иллюстрации, из серии – если рассказ про это лес, значит, на картинке будет лесоруб. Это просто фотографии между текстами.

И пусть ваш сегодняшний день будет немного более светлый, чем вчера. Мы все в состоянии сделать этот мир немного лучше.

Sail

Soul

Smile

…вместо предисловия

Вам никто никогда не скажет, зачем он ходит в море? Все давно уже знают, что море — это не белые шорты, оливки с мартини и бирюзовая вода за бортом. Никто до конца не знает - что он там ищет и находит? Романтика, или преодоление себя, или борьба со стихией, или еще что-то? Радость в процессе, или в возвращении домой?

Да, конечно - закаты, рассветы, дельфины, новые марины. А в середине всего этого - много моря, и мало берегов. В середине этого - волна и ветер. Самое нелепое - находясь, где-то в середине всего этого, крутить головой по сторонам и думать: "Зачем?". Еще есть момент - ты не можешь остановиться и сойти. И дело не только в ответственности перед командой. Просто вокруг вода. Туда мили, сюда мили. А ты рубишься куда-то вперед, и никаких мыслей в твоей голове, кроме "....да все нормально, еще немного....".

Над нами низкое балтийское небо, мы режем холодные, неприветливые волны Балтики, у нас скромный, почти аскетичный быт, и всё, что есть у нас – это проверенная матчасть и надежные руки экипажа.

Все, что нас объединяет – это несколько квадратных метров паруса и желание что-то доказать себе.

Мы спорим и не воюем друг с другом. Мы спорим и воюем лишь с собой, с собственной ленью, ветром и волной. За облаками и туманами наша путеводная звезда. Для нас весь ветер разный. Мы чувствуем его направление и силу — носом и щекой. Мы читаем облака в небе, как открытую книгу, а солнечный диск на закате или рассвете, запросто дает ответы по погоде на ближайшие сутки. Нам известны все паруса по названиям и по применению на всех существующих судах, и на несуществующих тоже.

В какой ветер ставить, для какого курса, как их убирать, и как берутся рифы. Как добиться максимальной скорости, как глиссировать на волне. Нам известны все морские и речные знаки, лоции и навигации. Все диапазоны раций, на каких частотах и волнах, какие переговоры вести. И даже если сломаются все GPS мира,

даже если перестанут работать все спутниковые станции – мы все равно сумеем провести свою яхту через любой пролив, в любую погоду, и в любое время суток.

Мы знаем, что такое невязка и как учитывать девиацию. Как проложить маршрут на карте и как привязаться к точке по звездам, и, почему нужен хронометр. Нас можно разбудить ночью, или днем, в любом состоянии — а мы все равное без ошибки назовем все морские, и гоночные флаги, и расшифровку их сочетаний. А азбуку Морзе сможем отстучать любой рукой, даже не просыпаясь.

Нам известно, как спасать утопающих, как подходить и брать их на борт во время шторма. Нам известны все МПСС и ППС, правила спортивной и честной борьбы. Но еще больше нам известны понятия чести и совести, и никакая железная бляшка, какого бы цвета она не была, не заставит нас поступиться этим….

….И потом, уже где-то дома, с друзьями, проглядывая ролики в интернете, тебе задают вопрос:

- А люди выдерживают? Ты пожимаешь плечами: - Люди да, матчасть ломается…

Город нереальности

Когда-то этот город смоют черные замасленные волны Балтики, а пронзительные ветры разнесут и развеют его прах и память о нем, по всем уголкам и закоулкам. Когда-то в этом городе дождь сольется с болотом, на котором он построен, и все это станет одним целым. Непонятным, неясным, ненужным.

Волны не набросятся на него, жадно вгрызаясь в гранитные стапеля, в которые навеки вмурованы дома, они молча и равнодушно поглотят этот город, который всегда сам по себе. И через века, в застывшей глади волн, будут видеть проступающие на черной глубине шпили, и к легенде о таинственной Атлантиде добавится легенда о прекрасном городе, построенном на болоте, и исчезнувшем в нем же.

Аквалангисты, и прочие искатели сокровищ, будут с грустью рассказывать, что на дне ничего нет. Что все уже попилено до них…

А пока еще и этот город, и погода, не обращая внимания на жителей, несуетливых, а таких же, как и они, равнодушных ко всему проходящему мимо, будут немного глумиться над ними, не обращая внимания на них. Этот город не требует взаимности, и не торгуется с проживающими и посещающими его, за право находится некоторое время на его мостовых.

Заключив какой-то свой, неясный никому более, пакт с природой и погодой, он наполняет себя, а точнее сказать – «влучает» в себя всю красоту и надменность. И поэтому его язвительная насмешка сноба и нувориша, проступающая в изгибах рек и каналов - всегда адресна. А любая попытка объясниться в переполняющих чувствах к нему, натыкается на равнодушие признанной красавицы, которую не раздражают уже признания, но которой абсолютно наплевать на то, что ей говорят, и что про нее говорят.

Острова площадей, как таинственные стигматы проступают на теле этого черно-серого города, доказавшего не единожды, что и в сером и в черном - есть красота и глубина, гораздо более яркая и насыщенная чем любая палитра самого раскованного импрессиониста…

Кто Вы, Арина Родионовна

На заправке чуть зависает касса. Все клиенты становятся зрителями. На сцене двое. Боевая бабушка. Нет. Язык не поворачивается ее так назвать. Взрослая мэм. Хорошая осанка, поставленный голос, уверенный взгляд. Судя по ауре – юность была крепкая, еще до 90-х, в которых она просто смеялась в лицо эпохе. С ней внук. Явно воспитываемый в японских традициях – слова «нет или нельзя» - запрещены. Но баловать – не синоним отсутствия требовательности. Пацан лет восьми. Немного смахивает замашками на героя О'Генри «Вождь краснорожих».

Касса висит. Все ждут. У бабушки легкий диалог-троллинг с внуком. Чтобы было понятно – ассоциативно:

Бабушка – крепкая блестящая рельса. Внук – гибкий, юркий трос.

- Сходи в туалет.

- Может не надо?

- Может и не надо. Но останавливаться я не буду.

- А я в окно!

- Встречный ветер.

- Я открою окно в багажнике (видимо у бабули джип).

- Хорошо. Намочишь джинсы – сам постираешь и помоешь машину. (пауза)

- Лааадно…

(пацан уходит…возвращается)

- Руки помыл?

- Да!

- Зачем врать?

- Как, бабуля????

- Манжеты сухие.

(внук губами восхищенно пережевывает то ли «твою мать», то ли «бл.ин»,

уходит-приходит)

- Может я пойду покормлю голубей?

- Иди.

Пацан уходит, и тут же возвращается с возмущенным лицом.

- Там у входа два дяди курят.

- Выйди и скажи им, что на заправке курят дебилы отмороженные. Пусть

затушат.

Он убегает со счастливым шкодным лицом, возвращается быстро. За ним двое. Сильные, уверенные, крепкие. Демонстративно держащие сигареты в руках. Я бы при встрече с ними - перешел на другую сторону улицы. Взгляд лениво вопросительный: «…але…и…чо за…на?». Дальше обычно происходит по сценарию.

Бабушка видит их заход. Публика делится пополам: одна достает телефоны и попкорн, вторая – в поисках аптечки. Тишина. Охранник что-то сосредоточенно рассматривает за окном. Муха под потолком увлеченно потирает лапки.

- Если вы ищите, кто послал мальчика – это ко мне. Если начнешь ругаться матом, я тебе свисток сумкой разобью.

- Слышь, мамаша…

Его перебивают, как в школе, когда учительница «накладывает» железные интонации на глупые комментарии ученика-хулигана.

- Ты не охренел, пасынок? Какая я тебе – мамаша, полудурок, ты аморфный. Если ты думаешь, что своим целлюлитом меня прессанешь, то дико облажался. Рот даже больше не открывай. Ты все уже себе наговорил. Не тяни ко дну свою долю, а то проотвечаешься.

Пацан, не обращая внимания на происходящее невозмутимо выбирает колу. Бабушка на секунду к нему, не меняя напора:

- Возьми лайт, там сахара меньше. Возвращается обратно в монолог:

- Затушили сигареты оба, и выкинули. Идиоты, умалишенцы, прости господи.

Как у Гоголя – немая сцена, даже муха притихла. Один из парней вдруг хватается телефон, и с деловитым видом выходит, второй за ним.

- Бабуля, а если я тоже буду курить?

- Если ты будешь подтягиваться 25 раз, и тебе нечем будет заняться, и некуда тратить деньги – обкурись. Только стул вытирай.

- Зачем?

- Никотин из попы будет сочиться.

- Бабуля, ты же старая – а как вы раньше переписывались, айпэдов и

телефонов не было!!!

- На бересте, бл.ть.

Слегка заканчивается ее терпение. Пацан счастливо улыбается. Кассирша: «Касса заработала». Публика аплодирует.

Бокал белого и оливки

...В жопу всю эту романтику. Нас размазывает по Атлантике, как мотыльков по лобовому стеклу мчащейся машины. Мы обессиленно вгрыземся в лавировку, и это напоминает подъем по вертикальной скале. Метр в минуту.

Ветром с волны срывает всю морось, и мы мокрые хоть дождя и нет. Весь экипаж спит и висит на леерах уже третьи сутки. Грот зарифлен, и стоит штормовой стаксель. Он алого цвета, и, наверное, со стороны это напоминает огонек, мерцающий в серой мокрой губчатой и рыхлой пене, которая вокруг нас.

У нас острый бейдевинд, и волна щедро заливает нас каждые пару минут. Волны бьют в скулу яхты с такой силой, что не смотря на мощь штормового ветра, лодка останавливается и сразу становится видно, как выгибается от нагрузки мачта, а наветренная ванта натягивается как первая струна у гитары.

От лееров на плечах и груди остаются длинные синяки и подтеки. Никто не спускается вниз, чтобы передохнуть. Там душно, не смотря на погоду, и укачивает еще быстрее. Там надо раздеваться, а на это уже нет сил. Да и одежда на себе сохнет быстрее, а снимать ее с себя, значит вынимать себя из нагретого.

Все немного привыкли и даже едят. Первые сутки прошли так себе, на вторые травило всех. Мерзотное ощущение, когда в организме уже ничего нет, но желудок конвульсивно сокращается, пытаясь из себя что-то выбросить. Одно утешение, что нет необходимости ходить в гальюн по взрослому. А по-детскому – просто ложишься на бок, крен у лодки такой, что ты почти стоишь.

Все передвижения на четырех костях или ползком, если ночью. Редкие стихания ветра между порывами рождает ожидание и надежду – ну, может уже всё? Эмоций нет, раздражения нет.

Есть уверенность, что земля круглая, и как не крути – серая зыбкая полоска какого-то берега перед глазами обязательно покажется. И никто не будет скакать и орать. Просто кто-то кивнет, и скажет – за..бись, дошли.

А через какое-то время в рации что-то пошуршит, и неизвестный равнодушно оповестит:

-- Ok. Finish took….

И останется немного – доскрестись до берега, зашвартоваться. И нарочито неторопливо развешивать сушиться вещи, и инстинктивно продолжать ловить ногами палубу. Поймать wi-fi. Отправить смску. А утром завтрак обязательно на берегу. Обязательно яичница с подсушенными тостами, и стакан апельсинового сока.

И почему-то знать, что где-то ждет накрахмаленная простынь, первое, второе, вилка слева, нож справа, хлеб и салфетки. Обязательно махровый халат и накрахмаленная простынь. И зачем-то потом опять куда-то скрестись, и потом опять возвращаться… …и, да-да – обязательно Посейдону...

Дай, Джим

В жаркий летний бабушка принимала у себя в гостях детей, и любимого внука (супостата и бездаря). Эти бабушкины чувства - разберись в них, пожалуй, от любви и до ремня – как на формуле 1. Разгон за мгновение.

Бабушка коршуном порхает над ним. - Хочешь клубнички, черешенки вот намыла, на вот новый пароль от wi-fi. Прогуляйся с собакой. Жара сил нет. Побрызгай ее водой из бассейна.

Собака, одно название, а так - мелкое измученное вниманием существо, с одной просьбой в выпученных глазах: не надо меня гладить. Отпускать одну «стремно» - прыгнет на нее лягушка, и все, конец. Ну, или уколется о крыжовник, и умрет от потери крови, засохнет прям под кустом.

- Не сиди, говорю, иди собаку водой побрызгай, видишь жарко ей!!!

- Баа...

- Бегом!!!

Папа с мамой сползли куда-то в нирвану. Тихий жаркий день, где фоном были лишь стрекотания кузнечиков, полет шмеля, да шелест велосипедных колес за забором, вдруг разорван зенитным всполохом крика "Придурок".

Бабушка молодцевато сигает с балкона второго этажа, и несется к бассейну. В бассейне скучающий подросток купает собачку. Петров-Водкин с "Красным конем" - отдыхают. Пацан сидит на бортике. На собаке шлейка, и, знаете - такой автоматический наматыватель поводка обратно. Он отпускает собаку, та, повинуясь чувству самосохранения - мощно гребет от него в сторону другого бортика. Поводок натягивается. Пацан нажимает

кнопку. Собака, как заядлый воднолыжник – с глазами по пять юбилейных рублей - несется к нему. И так несколько раз.

Бабушка подлетает. Пацан получает пинка и летит по красивой траектории вперед и вверх, и входит в воду без брызг.

Сонный папа:

- Шесть ноль за артистичность. Мам, привяжи ему что-нибудь тяжелое на ноги, пусть там побудет, мы пока поспим...

Про пилотов и штурманов

Несколько лет назад мне довелось участвовать в трофи-рейде. Это когда взрослые дядьки на больших машинах гоняют по лесу. И у меня осталась вот такая зарисовка.

*лебедиться – работать с лебедкой, вытаскивая машину из: ямы, болота, непроходимой грязи.

*болото – плохое место, не где зацепиться торосом для лебедки.

*ракеты не летают – это когда пилот пытается «нашару» где-нибудь проскочить – или в горку, или через яму, или через лужу

Пилоты - они толстые, потому что сидят. А штурмана - они тощие, потому что бегают. Впрочем, бывают тощие пилоты, но это скорее исключение из правил - это переученные штурмана. Также встречаются и толстые штурмана. Это обленившиеся пилоты.

Пилоты делают все неторопливо, потому что - мысль. От резкого движения мысль может ускользнуть, как рыбка в реке; тогда ее придется думать снова.

У штурманов мыслей нет, они делом заняты. А поскольку дел много и все надо успеть, они двигаются быстро. Бывает пилот со штурманом сидят не шевелясь - это значит завис GPS. А бывает, что оба двигаются быстро - это значит полный гнездец.

Штурмана они сильные и розовощекие, потому что на свежем воздухе и при физической нагрузке. А пилоты - слабые и наглые, потому что сами не могут ничего и боятся, что штурмана их бросят. Штурмана называют пилотов таксистами, потому что те только и могут, что педалями работать, а куда и как ехать знают только штурмана. Пилоты штурманов никак не называют, потому что боятся. Чтобы не боятся штурманов, они пьют пиво вместе и говорят гадости, чтобы казаться смелыми и сильными. А штурмана ничего не говорят, они пьют пиво и думают о гонках. У пилотов сильный и зычный голос, потому что кричат в лесу от страха. У штурманов голос сиплый, потому что пытаются перекричать пилота, указывая дорогу. У пилотов есть красная кнопка, которой они заводят машину. У штурманов только крюк и стропа, все остальное прячет пилот, чтобы было посложнее.

А штурмана не любят, чтобы посложнее. Чтобы было легче, они заранее ищут нормальную дорогу. А пилоты ставят точки в компутере, чтобы тяжелее. Часто пилоты собираются в лесу кучкой и смотрят, как штурмана вытаскивают машины из болота. Чтобы не замерзнуть пилоты пьют водку и виски, а штурмана чай и кофе - потому что гонка.

Вообще пилот и штурман знают, что им друг без друга никак - потому что команда. Когда они вместе, все стараются им не мешать, потому что гонка. Когда они в гонке, они стараются друг друга не доставать, чтобы не ссориться. Потому что у пилота руль, но он без штурмана в лесу никак; а штурман в лесу - как, но без руля хреново, а пешком долго; потому что трофи. Иногда им пытаются мешать - это судейская коллегия. Но близко они не подходят, потому что гонка. А после гонки тоже не подходят, потому что страшно.

Судьи вызывают пилотов по одиночке и говорят гадости; а штурмана сидят группой и волнуются. А судьи знают, что штурмана волнуются и поэтому боятся; и обещают все исправить. А штурмана грозятся за пилотов порвать им все, ну или шланги, к примеру, тормозные.

Штурмана заботятся о пилотах, потому что добрые. А пилоты стесняются заботы, потому что мужчины. А женщин на гонках мало, потому хорошие, а плохих на гонку не берут; а хороших мало везде.

Пилоты любят лес, потому что красиво. Штурмана не любят, потому что деревья и пни. Еще штурмана не любят болота, потому что мокро и грязно; а пилоты балдеют - потому что поэзия. Штурмана любят Шаляпина,

потому что бурлаки; а пилоты Рамштайна - потому что. Штурмана сравнивают себя с птицами, потому что «лебедятся». Пилоты знают об этой маленькой слабости и стараются предоставлять такую возможность. А штурмана от благодарности шипят, потому что лебеди. А пилоты любят игру «ракеты не летают», потому что в детстве хотели стать космонавтами. Но не стали, потому что пиво и женщины. А в космосе этого нет, потому что пусто. И в лесу пусто, но зато можно поиграть, а вечером все будет; потому что хорошая компания.

Многие думают, что штурман с пилотом хорошая компания, а много штурманов и пилотов - очень хорошая компания, но зачастую бывают склоки; потому что все хорошие; а героев должен быть один, ведь если героев много - то это хулиганы. А если хулиганы в лесу, то это гонщики, потому что гонят.

Еще они любят первый день, потому что давно не виделись и еще не подрались. Все ходят добрые и обнимаются, потому что настроении. А в последний день все грустные, потому что поломки, и победили другие, которые плохие; потому что ездили по маленькому кругу. А судьи говорят, что это бизнес, потому что уроды. А хорошие говорят, что мастерство не продается и грозятся пустить судей по кругу. А судьи боятся, даже если по маленькому кругу, потому что здоровья нет, а гонщики крепкие и голодные; потому что ломились по большому.

А потом они возвращаются по домам и рассказывают любимым, как все происходило, а любимые обнимают их и моют, потому что любят. Потом их кормят и кладут спать, потому что устали. Пилот спит долго, потому что уже все; а штурман мало и некрепко, потому что ремонт. Потом они встречаются в гараже и делают машину, потому что опять гонка. А любимые ждут и волнуются, потому что любят.

...ой, всё

…сынок, мне стыдно с тебя, ты пьешь коньяк, как кобыла старого биндюжника пьет воду в жаркий день. Ты мотаешь головой, что она своей гривой, и боюсь, ты начнешь фыркать от удовольствия.

Слушай меня, маленький поц, и передай это своим половозрелым сынам, будь они здоровы и крепки разумом, как хрустящий огурец, сорванный с грядки. Коньяк не пьют, его вдыхают.

Его не льют в бокал. И оставь эти дешевые киношные понты греть его в руках. В руках надо греть озябшие от ветра груди любимой девушки, даже если ты не уверен в ее чувствах. Аккуратно сжать, но не мять, как снежки зимой придавая им форму своих бестолковых ладоней. Тебе уже доверили, и твоя задача — это доверие не вспугнуть.

Коньяк в бокал наливают слегка, на вдох. Его не пьют. Его вдыхают, как счастливую жизнь старого иудея, а ее нельзя пить полной грудью наотмашь, потому что надо ценить все, что удалось испытать, и еще больше то, чего не удалось.

Налей коньяка чуть-чуть и отставь его в сторону. Пусть он слегка привыкнет к новой форме, как привыкла тебе твоя жена, пусть ее здоровье позволит еще много лет баловать наш двор своим голосом.

Отставь его, и пусть немного поволнуется в своем одиночестве, как молодая гимназистка на первом танце в клубе моряков и подводников, всплытие, которых должно быть совпадать с погружениями. Пусть он немного постоит и начнет проситься.

И вот тогда ты возьмешь бокал и посмотришь в него. И опять поставишь. А теперь сынок, с этой тайной я не хочу уходить. Я вообще не хочу уходить, но время поджимает, и никуда не деться.

Ты нарезаешь лимоны на половинку толщины ножа, и, посыпаешь их… нет, не сахаром. Сахаром пусть посыпают себе нервы наши недруги, которые завидуют нашему солнцу, и морю. Морю нашего благополучия и щедрости.

Посыпаешь их сахарной пудрой. И вот после этого ты берешь бокал уверенной рукой, как талию твоей любимой, они оба не должны чувствовать твое сомнение. И вот после этого ты глубоко вдыхаешь то, что в бокале, и пока оно начинает испаряться, ты кидаешь в след ему дольку лимона, осыпанного сахарной пудрой, как сердца наших родителей осыпаны воспоминаниями наших поступков.

Я не хочу уходить, но мне пора, потому что скоро закроется магазин, отвечающий требованиям закона, принятого во имя заботы о нас. Я бы послал тебя, но ты же купишь дорогой и бестолковый шмурдяк, оставляющий в душе боль бессмысленно потраченных денег, да пусть их пребудет в наших карманах столько же сколько налогов получает с нас власть, пусть упокоится с миром их нервы и переживания за страну.

Поэтому идти мне и спорить надо с друзьями, а не с родителями. А ты должен нарезать лимоны, и я буду так быстро, что сахарная пудра, которую ты будешь сыпать, еще не осядет...

Лифчик бабочкой наветер

Выкатываю небольшую компанию леди. Муж одной из них подарил им прогулку на яхте, и теперь они счастливые, распустив волосы, жмурятся на санкт-петербургском, естественно редком и удивительном погодном явлении, солнце.

Погода удалась. Ветер лайтовый. Волны нет. Курс и туда, и обратно – «трамвай». Идем в одно касание. Несмотря на погоду и расслабленное целеполагание – они дотошно выспрашивают название парусов, узлов, веревок. Всем удается немного порулить, поделать поворотов, «поработать» с парусами. Через какое-то время они устало рассаживаются по бортам. Переглядываются между собой.

Мнутся. Уточняю:

- Что-то случилось?

- Мы первый раз, и нас предупредили, что нельзя, но вдруг….

- Что?

- А мы знаем закон, мы и Посейдону нальем!!

- Леди???

- А можно нам открыть бутылочку белого вина?

Да, что я, изверг что ли.

Они очень аккуратны. Салфетки. Красивые бокалы из пластика. Заранее нарезанный сыр. Помытый виноград. Орешки. Салатный лист. Тосты. Помидорки черри.

Все-таки девочки – это эстетство нашей серой жизни.

- А Вы?

- Я за рулем.

- А мы вызовем Вам «пьяного водителя»!

- Я за штурвалом.

- Ну, ладно.

Все чистенько. Аккуратненько. Поели. Убрали. Протерли лодку влажными салфетками.

С берега раздается звонок «хозяйке бала».

- Алло!!! Да, милый!!! Да!!!! Все прекрасно!!! Спасибо тебе огромное. Это шедеврально. Мы с девочками очень благодарны тебе. Нет. Очень вежливый и учтивый. Ответственный. Даже отказался с нами выпить. Да!!! Все рассказал. Показал. Дал порулить. Я теперь знаю, что на яхте три паруса. Грот, стаксель и спинакер. Правильно?

Она кивает мне вопросительно.

- Нет. Только грот и стаксель. Спинакер не подымали. Он сказал, что им сложно управлять и можно порвать титьки (в оригинале - «завернуть лифчик», это когда большой цветной парус заворачивается вокруг себя, и становится похожим на деликатную часть женского белья). Зато на толстом курсе (на полном, когда ветер в спину) он нас с девочками по очереди ставил к мачте бабочкой….(элемент выноса стакселя на ветер).

На берегу меня встречали все мужья. Обошлось…

Ополаскиватель

Я стою в душе, и прямо там, под горячими струями, снимаю с себя одежду. За неделю в море, кажется, что всё на мне и во мне просолилось, и пропиталось: ветром, водой, потом, усталостью. Шевелиться не хочется и не можется. Горячая вода успокаивает, и убаюкивает.

Стою уперевшись локтями стену и лбом в ладони. Вся напряженность последних суток постепенно уходит, и я растворяюсь в этих струях. Вода смывает, и забирает с собой все лишние ощущения. Кажется, что это вторая, новая кожа. Всё внешнее уходит, удаляется, исчезает. Я едва слышу, как в раздевалке о чем-то смеется народ, который, так же, как и я, вернулся с регаты несколько часов назад.

Несколько суток шторма в море, дают о себе знать наступающей вялостью. Выключаю воду, чувствуя, что еще немного и я начну срубаться. Промакнувшись полотенцем, натягиваю шорты, и чтобы никому не мешать, беру футболку и выхожу из раздевалки. Я хочу натянуть футболку. Я подношу ее к лицу, и тут меня накрывает.

Я чувствую свежий, почти домашний, уютный и умиротворяющий запах ополаскивателя – и меня накрывает. Меня начинает трясти, слезы текут из глаз, и я зажимаю рот, чтобы не закричать в голос. Я забиваюсь в какой-то темный угол коридора, и, прижавшись спиной к стене, сползаю в низ. Меня трясет, руки ходят ходуном, и мне едва хватает сил закрыть ими рот, чтобы никто не услышал моей истерики.

Семьдесят часов шторма, которые мы выдержали там, нашли меня здесь, на берегу, и опрокинули. Этот запах, "луговых трав и утренней свежести", сделал со мной то, что не смог сделать девятибальный "bora-bora", океанская качка, порванный стаксель, сломанная мачта соседней лодки; брошенная в море яхта одной из команд; рулевой, повисший на леерах в тот момент, когда пришедший порыв и волна положили нашу яхту в жесткий брочинг....

Сейчас понятно, что тогда никто не осознавал происходящего, а просто продолжал гоняться, и не бороться, но отстаивать у природы свое место в море.

Были любопытные дельфины, снующие вокруг яхты со скорость сорок километров в час. Были флегматичные морские черепахи. Была тонна воды, заливающая нас каждые 2-3 минуты. Были равнодушные волны, закрывающие и перекрывающие все вокруг. И ветер — порывами до 75 километров в час.

Это все нельзя было закончить, прекратить, остановить, и сойти. Можно было только одно – проскребаться вперед! Спокойно и аккуратно. И тогда, когда лодку, уже второй раз положило в брочинг. И уже второй раз мы должны были, согласно всем законам физики, перевернуться…(есть такой термин – угол заката), а там, дальше – как повезет…

Повезло "до». Не перевернулись. Все это не стоит перед моими глазами, оно не проходит кинолентой, не зафиксировалось одной картиной. Все это обрушилось на меня вспышкой…

И, вот, сейчас, вспоминая то "тогда", я сижу в углу темного коридора, уткнувшись в колени, и меня трясет, как маленького мальчика...

Ну, как ты тут (Ополаскиватель2)

….его вещи и волосы после возвращения с регат всегда пахнут по-разному. Они пахнут другим ветром, и он всегда разный. Я всегда встречаю его в аэропорту. Я висну на нем. Откровенно. Я очень скучаю. А он – немного смущенно, но все равно очень крепко обнимает меня, подымает. Мы в эти первые минуты всегда молчим. Потом он всегда улыбается, и стандартно спрашивает: «Ну, как ты тут?».

Из года в год. Из гонки в гонку. Из регаты в регату. Мы жили. Любили. Рожали детей. Старе…. Взрослели. Дети вырастали. И каждый раз я приезжала в аэропорт, встречать его с очередной гонки.

«Как я тут?».

Я прижимаюсь к нему носом, куда-то под подбородок. Он целует меня куда-то в висок. Я пытаюсь надышаться им, и его соленым морем, которое он привозит с собой в волосах, в одежде.

Я ничего не понимаю в его гонках, он, поэтому, и не пытается мне ничего рассказывать. Мы болтаем о том, о сем. Я ему про детей. Он про какие-то происшествия. Старты. Финиши. Сейчас навалится куча работы. Домашние дела. Потом он опять улетит на очередную гонку.

Он разбирает свои вещи. Что-то стирает. Что-то промывает в ванной. У них куртки чем-то специальным пропитаны, их нельзя стирать. Пока он бреется, я беру его гоночные футболки, и нюхаю. Мне вторит наш домашний пес. Он закапывается в его одежду, сваленную на пол, и радостно замирает: «Все дома!!!». Его одежда и волосы всегда пахнут разными ветрами.

Я прикрепляю на холодильник очередной магнитик, который он привез. Холодильник похож то ли на карту мира, то ли на иконостас. Тогда давно, когда я его встречала с регаты в первый раз, он, улыбаясь, протянул

мне магнитик, и сказал: «С каждой регаты я буду привозить тебе магнитик. Ты будешь вешать его на холодильник. Это будет твоя стена плача».

Выходные он всегда в яхт-клубе. У него гонки круглый год, по всему миру, где не замерзает акватория. Поэтому – лету радуюсь только я. Когда-то давно, когда мы только познакомились, он сказал: «Это ужасно быть женой яхтсмена. Все время в яхт-клубе. Минус выходные. Минус световые дни и зачастую – минус праздники. Это действительно ужасно. Меня не будет рядом часто, как должно быть в нормальной семье….».

Он идет готовить ужин. Режет салат, жарит мясо. Я захожу в ванну, все еще пропитанную ветром, который он привез с собой. Встаю под душ.

«…Горячая вода успокаивает, и убаюкивает. Стою уперевшись локтями стену и лбом в ладони. Вся напряженность постепенно уходит, я растворяюсь в этих струях. Вода смывает, и забирает с собой все лишние ощущения. Кажется, что это вторая, новая кожа. Всё уходит, удаляется, исчезает….».

Кухонный стол – это место гораздо более тонкое и интимное, чем даже кровать. Он касается кончиками своих пальцев моей руки. Смешно морщит лоб. Наши взгляды сплетаются, скручиваются, то ли в узлы, то ли в канаты.

«…ты как тут?»

«…блин….Это так ужасно быть женой яхтсмена..».

«…Хорошо, все-таки, что я не альпинист….».

...и сундук мертвеца

Боцманская служба яхт-клуба лениво разлагалась под редким, и от этого, конечно, еще более приятным Санкт-Петербургским скупым солнцем. Народ на воду выходил правильно и аккуратно. Яркие всполохи генакеров и спинакеров, нарезающие волну кайты и сёрфы, радовали посетителей соседнего пляжа, но оставляли безучастными обслуживающий персонал.

Дверь уверенно распахнулась, на фоне неба, почти как Маргарита Павловна, из «Покровских ворот» стояла администратор Мила:

- Мальчики, что у нас на завтра с погодой? Прогноз смотрели? Не сидим, просыпаемся.

- Воистину, небольшой дятел может задолбать слона средних размеров,- прошептал, не открывая глаз, кто-то из вахтенных,- Ну, что ты орешь? Видишь - как хорошо сегодня!

- А завтра? Завтра у нас - корпоратив!!! Что с погодой? Мне регату с новичками выкатывать. Дунет из-за угла, и всё, кирпичи полетят. У нас завтра очень серьезный народ. Я, кстати, уже давно просила выкосить траву на куске между причалом и Заливом. Там скоро змеи ползать начнут!

- Дунет завтра с запада, и дождь еще обещают. Про выкосить – на следующей неделе выкосим, косилка сломалась.

- Дождь не в тему. А обычной косой?

- Это, Питер, детка,- привычно пошутил кто-то.

- Прогноз мне на стол, и подготовьте лодки к завтра к утру. Вот вам кофе, для разгона. Я умчалась, меня на причале ждут. Мальчики – покосите, пожалуйста.

Мила стремительно унеслась по парусным делам. Мелкий гравий медленно оседал за ее спиной, на следах, оставленных уверенной ногой. Миша взял кофе, и потянулся за сигаретой, предвкушая синергетический эффект.

- Миша, я зайду,- в капитанию, уважительно, но по-свойски зашел дядя Коля. Дядя Коля был местный, соседний житель. Яхт-клуб базировался на окраине города, и за забором, отсекающим парусную территорию, теснились еще не выкупленные олигархами старенькие домишки. Дядя Коля жил в таком же небольшом домике. Уезжать не собирался. Пенсия у него была приличная, плюс он еще подрабатывал в яхт-клубе, питая сильную страсть и уважение ко всем, кто без страха, сомнений и упрека ступал на палубу. Сам же он, категорически отказывался прокатиться, даже на катере.

- Заходи!

- Есть чего поделать? Чем помочь?

- Дядя Коля! Есть! Нам траву надо выкосить. Косилка «йок». Сможешь вручную?

- Ну, а что не смочь-то. Конечно. Коса обычная есть?

- Ну, какая-то точно есть.

- Отлично. Давай косу. Я сегодня подправлю ее. Завтра выкошу все.

Завтра, с самого утра, началось крепким, немного горизонтальным, питерским дождем - активным, беспощадным и безжалостным. Участники корпоративной регаты заинтересованно смотрели сквозь зареванные стекла холла, обмениваясь между собой фразами:

- И что, они в такое плавают?

- Они не плавают, они ходят.

- Что – вот прямо так, и прямо там?

- Там, и так. Ты посмотри на их волевые лица!

- Вполне красивые.

- Это да, но смотри – какие волевые!!

Может, отменим?

- Что?

- Всё вот это!

- Мы, что – не команда?

- Мы? Команда! Но – можно мы не пойдем?

Директор компании стоял на небольшой сцене как Зевс, сжимая микрофон. Сразу было видно, что он – целевой, целеустремленный и еще какой-то очень молодец. Своими словами, как короткими автоматными очередями он гонял своих сотрудников, не давая им захиреть.

- Ребята! Только потому, что мы вместе! Только потому, что мы никого не боимся! Только поэтому – нам удается преодолевать все трудности, и мы достигаем успеха. Единство команды и сплочения духа, мы уже знаем, это наше всё. А наше всё – завоюет всё чужое. И мы, слившись в монолит….,- тут он разулыбался, - Ребята, ну, что болтать-то. Все равно уже приехали, а отступать – не в наших правилах. Все! Начинайте инструктаж,- обратился он к Миле.

Команда монолитно, в едином порыве, с надеждой: «Быть может - все-таки

нет!!!», повернулась к Миле…. Но.

Но Мила, и вверенный ей помощник, бодрыми и яркими фразами описали красоту, мощь и прелесть парусного спорта. Но судя по недоверчивым взглядам, все это никак не отозвалось в сердцах и душах гостей. А когда Мила, лучезарно улыбаясь, рассказала, что яхтинг - не только белые шорты, мартини с оливками, а еще и борьба со стихией, все посмотрели в окно, и грустно покивали. Питерская стихия глумливо раскрывала им свои мокрые объятия, насмешливо плескала волной, сдувала порывистым ветром гребешки с волн, кепки с участником, и портила прически девушкам.

Поняв, что регаты им не избежать, народ, сжавшись в монолит, неуверенно побрел в сторону яхт.

Миша, стоя на причале, по плотнее замотался в «непромоканец», и заготовил дружелюбную улыбку. Мимо деловито прошагал дядя Коля.

- Что, опять бизнесменов катаете?

- Тянет людей к стихии, к морю, а мы им помогаем. Дядя Коля, ты может завтра, покосишь, чего тебе сегодня мокнуть?

- Естердэй – хистори, тудей – гифт, тумору – мистерии. У меня с собой плащ- палатка, круче всех ваших комбезов будет,- показал он Мише, черный прорезиненный мешок, и уважительно добавил,- Море – это сила!

Группа, неожиданно вовлеченных в яхтинг, опасливо шла по причалу, который колебался в такт их шагам. Миша радушно встретил их, немного пошутил про крещение водой и морем, что дождь – это на удачу, что по воде аки по суху.

Рассказал историю про «Летучий Голландец», и про сирен, напевающих песни усталым морякам. Про то, что моряки хоть и делают вид, что не верят в приметы, но на самом деле являются очень суеверными людьми. Еще раз, напомнив всем про правила безопасности, и, не хватать руками то, что не надо, он распихал команды по яхтам, и дал добро на отход.

Люди расселись на борту, нахохлившись как воробьи. Дождь сверху и вода снизу, не делали их состояние и настроение - спокойным и умиротворенным. Миша, как мог, пытался снять у новичков напряжение первого выхода в море.

Лодка медленно отошла от причала, и пошла вдоль берега. Внезапно яхта, шедшая перед ними, растравила паруса, остановилась, и вся команда, замерев, стала вглядываться куда-то назад. Миша перевел глаза на свой экипаж, и увидел их, побелевшие от ужаса лица. Они также смотрели назад, за его спину. Чертыхнувшись, ну что там такое, он обернулся….

- Б..Л..Я..Т..Ь,- одними губами произнес он, чувствуя, как волосы дыбом встали у него везде.

На узкой полоске берега, на фоне еще не темного неба, в высокой траве стоял дядя Коля, в черной прорезиненной плащ-палатке, которая покрывала его с головой, и приветственно махал им левой рукой. В правой он уверенно сжимал косу….

Покрепче, Веня, вяжи банты

Веня стоял в отдалении и с тоскливо размышлял, как ему поступить. Он чувствовал, что все проходящие мимо него смотрят, и понимающе ухмыляются. Выждав какое-то время, он с безразличным видом отошел в сторону, чтобы никто ничего не подумал. Но идти надо было.

Он с тоской смотрел на табличку у входа. «Бляяя….почему не могли просто написать КВД. Почему на стене кричаще заманивающе сияли три слова: «Кожно- венерический диспансер». Он чуть не застонал.

Веня знал, что сифилис, это будет наименьшее из бед, что ждет его, когда он возьмется за ручку двери. Кто-то из пацанов говорил, что молекула сифилиса живет 30 секунд. Веня никак не мог подгадать, потому что в дверь кто-то постоянно заходил, и выходил. Наконец ему повезло. Локтем он зацепил ручку, и проскользнул внутрь.

Хлорированное равнодушие холла встретило его белым кафелем и обилием черно-белых фотографий и бумажек, напечатанных в типографии, предупреждающих об опасности случайных встреч. Веня чуть не взвыл от ужаса.

Пару часов назад отстояв в районной поликлинике очередь, в которой были люди по номеркам, по живой очереди, и – только спросить, он, бодро зайдя к дерматологу, деловито буркнул: «Мне справку в бассейн». Врач взял карточку, начал писать справку и вдруг устало снял очки:

-Тебе полных-то лет сколько?

- Четырнадцать.

- Ну, так, милый мой, тебе теперь не к нам.

- А куда?

- Едешь угол Наличной, там КВД, там тебе все выдадут.

- Куда?- недоумение Вени было настолько искренним, что врач заухмылялся.

- КВД. Знаешь, что это?

- Вы, наверное, не поняли. Мне – справку в бассейн!!!! Я здоров. Мне – в бассейн.

Веня пытался объяснить этому тупому доктору, что справка ему нужна -в бассейн.

- Да я понял-понял. Ты по возрасту уже не проходишь. Дуй туда, там все дадут. Все.

Он нажал кнопку. Лампочка за дверями моргнула, и какая-то мамаша с ребенком, выпихнула его за дверь. Он стоял в полном недоумении, и прострации. КВД. От самого этого слова веяло заразой. И воспоминания о матросах Колумба – были отнюдь не уважительны.

И вот теперь, чувствуя себя почти голым, он напряженно стоял перед окном, на котором малярной кистью, обреченными красными буквами было написано: «Регистрация».

Чтобы никто ничего не подумал. Веня громко и отчетливо прокричал:

- Мне справку в бассейн.

- Чего орешь,- шикнула на него тетя из «окошка»,- На направление на первичный прием.

- Какой первичный,- перешел на доверительный шепот Веня,- Мне справку….Я в яхт-клубе...а мы в бассейн ходим,- сбивчиво стал оправдываться он.

- Второй этаж, первичный прием в порядке живой очереди,- и тетя уткнулась в свои дела на столе.

Собрав в кулак волю и мужество, стараясь ни к чему не прикасаться, Веня поднялся на второй этаж.

- Мне справку в бассейн. Кто последний?

Он неуверенно пискнул, увидев разбитную очередь из десятка мужиков, галдевших в коридоре. Мимо независимо промаршировал известный певец, исполняющий песню про то, как хорошо в Комарово. По коридору прошла медсестра.

- Трое первичных проходим.

- Извините,- дернулся Веня. - Что?- Мне справку в бассейн.

- Заходи тоже.

Мужики строем вошли в кабинет и замерли ленивой шеренгой. Где-то у стены за столом сидел врач и что-то писал.

- Штаны снимаем, оголяем крайнюю плоть.

-……я не буду,- тихо охнул Веня.

- Тебе чего?- врач поднял голову.

- Мне…мне справку в бассейн,- тоскливо пробубнил Веня.

- Снимаем рубашку, штаны приспускаем, оголяем крайнюю плоть, - меланхолично ответил врач, возвращаясь к своим бумажкам.

- Я не буду,- твердо ответил Веня.

Мужики заржали:

- Слышь, эскулап, чо ты парня гноишь. Он еще толком не целовался, а ты ему – оголяем.

Врач по-Чеховски посмотрел на Веню.

- Так, все вон, а ты ко мне.

Краснея и холодея от ужаса, он подошел ближе.

- Рубашку задери. Аллергии нет? Половой жизнью живешь?

-……..,- что-то невнятно сипел Веня

- Одевайся,- улыбнулся доктор,- Что за спорт?

- Парусный.

- Ого. Красиво. Сейчас справку напишу, печать в регистратуре.

Начиная любить этого мудрого доктора, путаясь в пуговицах, Веня стал приводить себя в порядок. Сгорая от смущения, он поднял глаза, и увидел на листе ватмана, растянутого где-то под потолком, аскетичную, и по-

Хаймовски, емкую фразу. Эта фраза во многом определила ему философский взгляд на будущее. Фраза, которую он бормотал и на «стрелках», и на гонках, да и так, в минуты хандры:

«Все болезни от нервов, только венерические – от удовольствия»…

Тарзан и Тургенев

Сын друзей увлекся прыжками в воду. Непонятно с чего вдруг. Видимо Вайсмюллер не давал ему покоя в ночных грезах.

Вы все знаете кто это? Это первый официальный Тарзан. Тот, который пятикратный олимпийский чемпион, 67 мировых рекордов и прочие цифры, за которые не стыдно.

В общем – сын друзей увлекся прыжками в воду. Неожиданно и очень ответственно.

Помните, как мы в детстве – зажимал нос, поджимали ноги и бомбочкой, ну, или в походе - с «тарзанки». А тут все по другом. Бег. Прыг. Растяжки. Заявил, что хочет прыгнуть с какой-то скалы на Гавайях. Там оказывается не просто весело, а еще и призовой фонд. Отец, когда выяснил про размер призового фонда, сказал – конечно, пусть прыгает, раз мальчику нравится.

Мама пыталась выяснить у мужа – не было у него в роду, или среди его поклонниц – прыгунов в воду. Потому что у нее – не было, и откуда в сыне это, внезапно возникшее увлечение, не понятно. Бабушка пожимала плечами, уходила от разговоров к себе в комнату, и там о чем-то мечтательно хихикала.

Неожиданно для всех, маленькая куцая домашняя собачонка, разделила его хобби. В бассейн, понятно, ее не пускали, но загородом, где существовали хоть какие-то водоемы, в которые можно было прыгать с мостков или причалов – она просто наслаждалась. Она слегка разбегалась, отталкивалась от земли своими

коротенькими ножками, и момент зависания в воздухе залихватски взвизгивала, и, растопырив уши, лапы и хвост падала в воду.

Летняя, редкая для Санкт-Петербурга, солнечная крепкая погода вытолкала всех ближе к водоемам. Положила на землю, вдавила в лежаки, и расплавила мозг. Не хотелось даже шашлыков. Не хотелось тратить ни одной лишней минутки на что-то отвлекающее от солнца. Прохладное пиво из дорожного холодильника слегка снижало внешний градус. А вода, окруженная телами не уехавших в отпуск, казалось, испарялась прямо на глазах.

Мостков, или чего-то похожего на вышку не было, и поэтому собачка тоскливо бродила по берегу, и вежливо поскуливая, косила глазами одновременно в разные стороны. Сжалившийся хозяин переместился ближе к краю берега, и, размахнувшись, метнул истосковавшееся животное вперед и вверх.

Собака была счастлива. Она визжала. Всплывала. Выплывала. Бегала вдоль береговой полосы. Опять преданно подбегала к хозяину, тоскливо скулила и просительно косила глазами. Тот сонно и лениво забрасывал ее куда-то туда, в жаркое марево.

Умиротворенность и ритмичность сиесты была нарушена появлением откуда-то из жары, крепкого мужчины. Его мускулистое тело было конкретно усыпано татуировками, и покрыто шрамами. Посмотрев на очередной полет пёсы, счастливое возвращение, и опять полет, он подошел, и участливо шепнул:

- Слышь, Тургенев, ты пока камень не привяжешь – ничего не получится.

...зачем без моря ты

Ты ни черта не смыслишь в жизни, если океан не завораживает тебя. Если он не разбивает вдребезги твоё сердце.

Ты можешь сколь угодно бесконечно жрать джин на борту своей яхты, в окружении роскошных дев. Ты можешь носить белоснежный костюм, иметь клубный пиджак и собственный причал.

Но если у тебя не захватывает дух, и где-то внутри тебя не начинает что-то сжиматься, когда ты стоишь на берегу пялясь в бесконечные волны – то ты полный олух, и жизнь твоя тупа и бессмысленна.

Ты просто мажор.

К чертовой матери все охи и ахи перед картинами Айвазовского. Старик молодец, но, что лично тебе - в этих цветных масляных пятнах в золотой оправе?

А что толку от пронзительных фотографий с белыми лепестками парусов на фоне снующего туда-сюда солнечного диска.

Какой смысл пересматривать видео, на котором какие-то люди воюют с парусами, а за шумом ветра не слышно ничего. Там бьются они, не ты. Это они растрачивают свои силы, деньги и время на то, чтобы в очередной раз получить в лицо порцию соленой воды.

Можно быть хлюпиком с астмой, хулиганом, бизнесменом, и даже чиновником, не это важно. Важно, что тебе хочется идти к нему.

Можно стоять на берегу, чувствуя, как твоя одежда тяжелеет от влаги.

Можно съежившись сидеть на палубе, и после каждого удара волны чувствовать, как твой желудок сжимается.

Можно.

Можно.

Можно.

Можно все. Если тебя для тебя океан не просто водяная масса.

Ну, а с другой стороны - сиди на берегу со стаканом или бокалом, держи ноги в теплом песке. У океана для всех найдется место.

Надеюсь, было нескучно. **…**

…by Kirill Razumov&Utkin Aleksandr (Prohojiy)